

Екатерина
Мордвинцева

Десять тысяч
НАД ЗЕМЛЕЙ

Екатерина Мордвинцева
Десять тысяч над землей

«Литнет»

2026

Мордвинцева Е.

Десять тысяч над землей / Е. Мордвинцева — «Литнет», 2026

Внимание, говорит командир. Нештатная ситуация. На борту рейса SU-1463 обнаружена эмоциональная помеха. Пассажир Ева Андреева. КВС Сергей Волков. Потеряна профессиональная дистанция. Угроза соблюдению правил. Самовольный уход с курса. Преследование на земле. Объект представляет угрозу для спокойствия. Принято решение: нейтрализовать. Помеха устранена, но оказалась... живой. Курс на сближение неизбежен. Посадка ожидается жёсткая. Будьте готовы.

© Мордвинцева Е., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	24
Глава 8	28
Глава 9	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Глава 1

Если бы существовал прибор, измеряющий концентрацию тоски по отпуску, его стрелка в этот момент зашкалила бы, сломалась и печально повисла в красной зоне. Казалось, всего несколько часов назад мы, оглушённые шумом трапа и волной влажного, солёного воздуха, ворвались в лето — настоящее, пальмовое, пахнущее жареными мидиями и обещаниями. А теперь стояли на бетонке, и в нос уже бил стойкий, неистребимый запах авиакеросина — химически-горький аромат возвращения в реальность.

Портал закрывался.

Так бы сказал мой отец, капитан дальнего плавания воздушных океанов в отставке. «Ева, запомни: самолёт — это не транспорт, — любил он повторять, показывая на свои старые фотографии у фюзеляжа. — Это временный портал. А командир экипажа — тот, кто поворачивает ключ. Ключ этот выточен из дисциплины и спокойствия. Любой сбой в системе — и портал может выбросить тебя совсем не там, где ты планировал».

Я смотрела на серебристый Airbus A320, замерший под струями предполётного душа, и думала, что папины порталы почему-то всегда везут меня обратно: из каникул — к учебникам, из свободы — к ожиданиям. Из лета — прямоком в начинающуюся промозглую осень, которая уже витала в прохладном бризе, гулявшем по лётному полю.

— Ну что, команда, финальный чек-лист! — голос Алины, нарочито бодрый, прорезал мои мысли. Она с лёгким стуком поставила на асфальт огромную пляжную сумку, битком набитую ракушками, загорелыми платьями и магнитами на холодильник в виде дельфинов с кривыми улыбками. — Пункт первый: море. Было? Было, засвидетельствовано тремя тоннами соли в волосах и отшелушивающейся кожей на носу. — Она театрально провела рукой по своему идеально ровному, бронзовому носу. — Пункт второй: загар. Имеется, кроме мест, скрытых купальником, которые теперь напоминают карту белых пятен.

— Ох, не напоминай, — простонала Катя, поправляя бретельку майки. — Я вчера три часа оттирала следы от купальника. Выглядела, как заправская зебра.

— Пункт третий, — Алина сделала драматическую паузу, подмигнув, — и самый главный. Роман. Или, как минимум, его подобие, намёк, прелюдия... Ну, ты поняла. Катя, отчёт!

Катя, словно ждала этой команды, с торжествующим видом взметнула вверх свой телефон. На экране светилось фото: она, загорелая и смеющаяся, обнимала улыбчивого парня с ясными глазами и в футболке с логотипом пляжного бара «У Славы».

— Бармен Слава! — прокричала она, будто представляя участника конкурса. — Две бесплатные порции мохито, один рассвет на пустом пляже и три селфи для инсты. Результат — положительный!

Мы зашлись в смехе, привлекая взгляды других пассажиров, копошившихся у стойки регистрации на наш рейс. Катя, наша главная искательница приключений и коллекционер сердец, никогда не возвращалась без трофея.

— Алина? — переключила я взгляд на вторую подругу, известную своим скептицизмом и любовью к сложным персонажам.

— Э-э-э... — Алина сделала виноватое лицо, покрутив в пальцах коктейльную соломинку с привязанным к ней бутафорским обручальным кольцом — сувениром из лавки у моря. — Роман не состоялся. Зато был потрясающий флирт с инструктором по виндсёрфингу. Парень был красив, как греческий бог, и нем, как рыба. Все общение — жесты, улыбки и его попытки поймать меня, когда я в очередной раз вылетала с доски. Романтично и экстремально. Считаю, пункт выполнен наполовину.

— Наполовину! — фыркнула Катя. — Это как «наполовину беременна». Было или нет?

— Было напряжение! — парировала Алина. — Электричество в воздухе. А теперь, — она повернулась ко мне, и в её глазах загорелся знакомый огонёк охотницы за сплетнями, — наша главная затворница и летописец. Ева. Предъявляй трофеи. Не в смысле фотографий закатов, а в смысле... живых людей.

Обе устали на меня, и я почувствовала, как на щеках расходится предательский румянец. Я потянулась к своему самому надёжному щиту — чёрному футляру с фотоаппаратом, висевшему через плечо.

— У меня трофей — три гигабайта, — сказала я, похлопывая по футляру. — Портреты местных рыбаков, макро-съёмка медуз, пять разных ракурсов старой генуэзской крепости и ни одного разбитого сердца. Идеальный баланс, как говорят пилоты. Нулевой ущерб.

— Ску-ко-ти-ща! — протянули они хором, и снова засмеялись, а я присоединилась, зная, что они правы. В этом и был мой отпускной чек-лист: наблюдать, ловить кадры, сохранять дистанцию. Быть в событии, но не внутри него. Этому меня тоже учил отец: «Хороший пилот всегда на шаг впереди ситуации, он её анализирует, а не проживает».

Но сейчас, глядя на их смеющиеся лица, на эти дурацкие магниты и соломинку-кольцо, мне вдруг стало неловко за свою осторожность. Будто я пропустила какую-то важную часть программы, оставшись в кокпите, в то время как другие наслаждались полётом.

— Ладно, хватит переживать, — будто угадав мои мысли, сказала Алина, хватая свою сумку. — Впереди ещё полтора часа полёта. Может, там тебе повезёт. Стюарды иногда бывают ничего.

— Ага, особенно когда раздают курицу с рисом или рыбу с картошкой, — усмехнулась я, следуя за подругами к стеклянным дверям терминала.

Внутри царил привычный предполётный хаос: очередь на контроль, гул голосов, плачущие дети, мерный гул систем вентиляции. Но для меня, выросшей среди отцовских рассказов, это был не хаос, а сложный, но понятный ритм. Вот равномерный гул компрессоров кондиционирования — «давление в салоне в норме», как сказал бы папа. Вот ровный, без скрипов, звук выдвигающихся тележек с багажом — «ходовая в порядке». Я машинально отмечала эти детали, как занудный автомат, и это успокаивало.

Мы протиснулись к нашему выходу, прошли контроль, и вот он — длинный рукав трапа, пахнущий резиной и антисептиком. Последние шаги по твёрдой земле.

В салоне пахло уже иначе: стерильной чистотой, едва уловимым ароматом подогреваемых булочек из камбуза и тем самым особым, «самолётным» воздухом — сухим, прохладным, будто профильтрованным через тысячи километров полётов. Я вдохнула полной грудью, проходя к своему месту — 22А, у иллюминатора. Алина плюхнулась рядом, на 22В, Катя — через проход.

Я уже начала было рыться в рюкзаке в поисках книги, когда Катя, роняя нарочито небрежно журнал, прошипела:

— Экипаж! Смотрите!

Мы подняли головы, будто по команде. Сначала прошли стюардессы — улыбка на тридцать два зуба, безупречный макияж, форма, сидящая так, будто её отлили по ним отдельно. Они скрылись в глубине салона, загоразивая собой проход.

И вот из-за них появился он.

Мой мир не просто замер. Он будто перешёл на режим работы симулятора: все лишние звуки отключились, картинка стала гиперреальной, а фокус сузился до одной точки. До него.

Командир. Он шёл не быстро, но и не медленно — той самой целеустремлённой походкой человека, который знает, куда и зачем идёт. Лет тридцать, не больше. Высокий, с широкими, но не квадратными плечами, которые даже в стандартной, слегка мешковатой форме пилота «Аэрофлота» несли на себе отпечаток привычной нагрузки. Четыре тонкие золотые полоски

на погонах сверкнули под светом салонных плафонов. Это были не просто знаки отличия. Это был его ранг, его вселенная. Капитан.

Он что-то говорил старшему бортпроводнику, наклонив голову, и в его профиле я увидела чёткую, сильную линию скулы, прямой нос и сосредоточенную складку между бровей. Его лицо не было красивым в классическом смысле. Оно было... собранным. Лицом человека, привыкшего держать ответ за всё: за машину, за экипаж, за сотни жизней в салоне. И в этом была какая-то невероятная, притягательная сила. Сила не надменности, а колоссальной ответственности.

Он закончил говорить, кивнул, и уголок его губ дрогнул — не в улыбку, а в её эскиз, намёк на неё. И тут он на секунду поднял глаза, скользнув взглядом по салону. Его глаза... Они были цвета грозового неба перед самым дождём — тёмно-серые, почти стальные, с едва уловимыми прожилками более светлого оттенка. В них не было ничего личного, только профессиональная, сканирующая оценка обстановки. Но этого мимолётного взгляда хватило, чтобы у меня перехватило дыхание.

Он прошёл мимо. В полутора метрах от моего кресла. И я почувствовала запах. Не парфюма, нет. Запах кожи. Настоящей, потёртой кожи планшетной папки для чек-листов. Запах свежего, почти холодного воздуха, будто принесённого с высоты десяти тысяч метров. И ещё что-то... что-то неуловимое, металлическое и чистое. Запах полёта.

— Ого, — выдохнула Алина, когда дверь в кабину пилотов с тихим, но чётким щелчком закрылась за его спиной. — Вот это капитан! Наш рейс, похоже, в надёжных руках. Ты видела его плечи? И взгляд... Будто насквозь видит.

— И полосочки, — добавила Катя, уже доставая телефон, возможно, чтобы попытаться найти экипаж в какой-нибудь авиационной группе. — Четыре штуки. Это, типа, самый главный?

— Командир воздушного судна, — автоматически ответила я, всё ещё глядя на ту глухую, белую дверь с надписью «FLIGHT DECK. STRICTLY NO ENTRY». — КВС. Тот, кто поворачивает ключ.

— Ева, да ты как замороженная, — засмеялась Катя, наконец отрывая взгляд от телефона. — Неужели нашла свой курортный роман в последнюю минуту? И прямо в экипаже! Это сильно даже по моим меркам!

Я оторвала взгляд от двери, медленно, с трудом, будто преодолевая сопротивление. Сердце колотилось где-то в районе горла, учащённо и громко, заглушая даже объявление бортпроводника о правилах безопасности.

— Нет, — сказала я тихо, и мой голос прозвучал чужо, приглушённо. Я повернулась к иллюминатору, прижала ладони к прохладному, слегка вибрирующему пластику. — Это не роман.

Я не знала, что это. Но это ощущение было до жути знакомо по папиным рассказам. Ощущение, которое он описывал, когда впервые в жизни, не на симуляторе, а в настоящей кабине, взялся за штурвал. Когда выполнил последний пункт в чек-листе перед запуском двигателей, отъехал от перрона и понял: обратной дороги нет. Точка невозврата пройдена. Остается только взлёт.

Снаружи раздался нарастающий вой турбин, переходящий в оглушительный, всепоглощающий рёв. Самолёт дрогнул и рванул вперёд, с неумолимой силой вжимая меня в кресло. Где-то там, за этой белой дверью, его рука — уверенная, спокойная, с тонкими, но сильными пальцами — плавно, без суеты, отодвигала рычаги тяги. А другая лежала на штурвале, готовясь потянуть на себя.

— Прощай, море! Прощай, свобода! — закричала Алина, сжимая в азарте мою и Катину руки.

За окном поплыли назад, сливаясь в цветные полосы, огни перрона, потом серый бетон взлётки, а затем и она сама резко оборвалась, уступив место тёмному вечернему небу, прошитому редкими огоньками.

Я смотрела, как земля уходит, превращаясь в россыпь блёклых огней, и думала только одну мысль, чёткую и ясную, как команда по радиосвязи:

«Ключ повернут. Портал открыт. Начался новый полёт».

Глава 2

Самолёт, набрав высоту, вышел из облаков и замер в той самой прозрачной, невесомой синеве, что начинается там, где заканчиваются все земные проблемы. В салоне включили основной свет, мягкий и ненавязчивый, и задвигались тележки с едой. Запах подогретой курицы с травами и тушёных овощей смешался с привычными ароматами пластика и чистоты.

Я всё ещё чувствовала странную внутреннюю дрожь, как после резкого манёвра. Мои пальцы нервно перебирали край иллюминатора. Алина и Катя вовсю обсуждали только что розданные салаты, споря о том, чей выбор лучше — греческий или «Цезарь». Их голоса доносились до меня как сквозь вату. Весь мой мир по-прежнему был сосредоточен на той белой двери впереди. Она была закрыта, непроницаема, как стена сейфа. За ней — другая вселенная. За ним.

«Это не роман», — снова мысленно повторила я про себя. Но что это? Истерика на высоте десять тысяч метров? Дефицит кислорода? Или просто жалкая попытка моего скучающего по острым ощущениям мозга создать драму там, где её нет?

— Вас что-то беспокоит, Ева? — Алина ткнула меня вилкой в руку. — Ты своё «ничего» даже не тронула. Или ты решила стать стюардессой и изучаешь их методичку? — Она кивнула на одну из бортпроводниц, которая с изящной улыбкой разливала напитки.

— Просто... немного не по себе, — смущённо пробормотала я, отодвигая пластиковый лоток. — Высота, наверное.

— Высота — это как раз то, что лечит, — философски заметила Катя, отпивая сок. — Всё какое-то маленькое и неважное внизу.

И в этот момент, словно в ответ на её слова, привычный гул двигателей сменился лёгким понижением тона, а затем в динамиках раздался негромкий, предваряющий щелчок.

«Внимание, говорит командир корабля».

Голос.

Он ударил меня, как физическая волна. Не громкий, не командный, не тот пафосный баритон, которым говорят в рекламах. Он был ровным. Спокойным до невозможности. В нём не было ни капли металла или фальши. Это был голос человека, который абсолютно уверен в себе, в машине под ним, в небе вокруг. Голос, изначально созданный для того, чтобы произносить одну-единственную фразу: «Всё под контролем».

Я замерла, вцепившись пальцами в подлокотники. Алина и Катя тоже притихли, на секунду оторвавшись от еды.

— Добрый вечер, уважаемые пассажиры. Наш экипаж приветствует вас на борту воздушного судна, выполняющего рейс SU-1463. Мы набрали крейсерскую высоту десять тысяч сто метров. За бортом минус пятьдесят два градуса, но, уверен, в салоне намного комфортнее.

Он сделал микро-паузу, и мне показалось, будто я слышу в ней лёгкую, почти невидимую улыбку.

— Впереди у нас около часа двадцати минут спокойного полёта. Погода по маршруту хорошая, зона турбулентности, которую мы прошли на наборе высоты, позади. Прошу вас пристегнуться, когда находитесь на своих местах, и наслаждаться полётом. Надеюсь, вам понравится ваше отдых на море, и теперь вы полны сил для новых свершений на земле.

В его голосе, когда он произносил «на море», промелькнула едва уловимая, тёплая интонация. Будто он сам на секунду представил себе это солнце и волны. А потом — снова собранность и профессионализм.

— С вами на связи был командир воздушного судна Сергей Волков. Приятного полёта.

Ещё один тихий щелчок. Музыка в наушниках пары передо мной, которую он на секунду заглушил, снова зазвучала.

В салоне всё вернулось в норму: зазвенели ложки, зашептались люди. Но для меня ничего не вернулось. Голос растворился в воздухе, но он продолжал звучать у меня внутри, обволакивая, успокаивая и одновременно взвинчивая до предела.

Сергей Волков.

Имя. Обычное, русское, крепкое. Оно идеально подходило к голосу. И к тем четырём полоскам на погонах. Волков. Как позывной. Или как фамилия, обязывающая быть сильным.

— Ну, командир обнадёжил, — выдохнула Алина, вернувшись к салату. — «Погода хорошая». Главное, чтобы так и было до самой посадки.

— А голосок ничего так, — оценивающе протянула Катя. — Солидный. Мужик.

Я не могла вымолвить ни слова. Моё сердце, которое только начало успокаиваться, снова забилось в странном, сбивающемся ритме. Я смотрела на дверь, и мне отчаянно хотелось, чтобы она открылась. Хотелось снова его увидеть. Убедиться, что он реален. Что этот голос принадлежит тому самому человеку с глазами цвета грозового неба.

И будто в ответ на мою немую мольбу, дверь в пилотскую сдвинулась.

Не открылась полностью. Она отъехала ровно настолько, чтобы в проёме мог поместиться человек. И он вышел.

Не весь, только половина фигуры. Он что-то говорил, обернувшись назад, в кабину, вероятно, второму пилоту. Потом повернулся, и его взгляд скользнул по салону. Дежурный, оценивающий. И снова остановился на чём-то вдалеке.

В этот момент стюардесса с тележкой, проходя мимо, слегка задела её углом за наше кресло. Лёгкий толчок, тихий скрежет пластика. Совершенно незначительный инцидент.

Но он заметил. Его взгляд, секунду назад рассеянный, мгновенно сфокусировался. Не тревожно, а внимательно. Он сделал один шаг из проёма, и я увидела его полностью. Он был без пилотской кепки, и тёмные, коротко стриженные волосы выглядели чуть взъерошенными, будто он недавно снимал наушники. На нем был белоснежный рубашечный воротничок и галстук, аккуратно подобранный под форму.

Он не сказал ни слова. Просто кивнул стюардессе, поймав её взгляд, и слегка, едва заметно поднял бровь — мол, «всё в порядке?». Та, смутившись, улыбнулась и кивнула в ответ. Этого было достаточно. Его лицо снова стало нейтральным, и он повернулся, чтобы скрыться за дверью.

Но в этот миг его глаза, скользя по рядам, наткнулись на меня.

Это длилось не больше секунды. Меньше. Доли. Но этого хватило. Его взгляд не был ни холодным, ни оценивающим в мою сторону. Он был... пустым. Прозрачным. Как будто он смотрел сквозь меня, на панель управления или на показания приборов где-то у меня за спиной. Я была для него просто частью интерьера. Ещё одним креслом. Ещё одним пассажиром, чьё лицо сливается с сотней других.

И в этой пустоте, в этом профессиональном, безличном равнодушии было что-то такое, что пронзило меня насквозь. Больше, чем если бы он посмотрел с презрением. Я для него не существовала. Совсем.

А для меня в этот миг всё перевернулось. Всё встало на свои места с пугающей, ослепительной ясностью. Это не было простым любопытством или всплеском гормонов на высоте.

В мозгу, будто на чистом экране, высветилась короткая, безоговорочная строка, как в отцовском чек-листе перед взлётом:

«ЭТО ОН».

Не «он мне нравится». Не «какой интересный мужчина». А именно — ОН. Та самая точка невозврата, о которой говорил папа. Двигатели запущены, стойки убраны, полоса позади. Пути назад нет.

Дверь с тихим шипением закрылась, снова отгородив его мир от моего.

Я глубоко, с дрожью вдохнула. Воздух в салоне вдруг показался мне спёртым и безжизненным.

— Что с тобой? — спросила Алина, наконец заметив мою бледность. — Тебя точно мутит. Может, позвать стюардессу?

— Нет, — прошептала я, отводя взгляд от двери и глядя в тёмный иллюминатор, где отражалось моё собственное, потерянное лицо. — Всё в порядке. Просто... осознала кое-что.

— Что? — заинтересовалась Катя.

Я покачала головой, не в силах объяснить. Как объяснить, что за одну минуту твой мир сузился до размеров пилотской кабины, а все планы на будущее рассыпались в прах, уступив место одной-единственной, безумной, невыполнимой цели?

Цели, имя которой было — Сергей Волков.

И я поняла ещё одну вещь. Мой отец, всю жизнь учивший меня анализировать ситуацию и держать дистанцию, не дал мне самого главного урока. Он не рассказал, что делать, когда ты уже не пилот, а пассажир. Когда твой самолёт захвачен, и ты даже не хочешь сопротивляться.

Остаток полёта я провела, уставившись в одну точку, слушая, как этот голос — спокойный, уверенный, раз и навсегда врезавшийся в память — снова и снова звучит у меня в голове.

«Надеюсь, вам понравился ваш отдых на море...»

Нет, Сергей Волков. Он закончился. Началось что-то другое. И я даже не знала, куда идёт этот рейс.

Глава 3

Оставшиеся сорок минут полёта стали для меня томительной подготовкой к дерзкому, немыслимому прыжку через пропасть. Пока Алина и Катя дремали, укутавшись в пледы, или листали журналы, мой мозг работал на пределе, как бортовой компьютер, просчитывающий сложнейшую посадку в условиях нулевой видимости.

Мне нужен был предлог. Идеальный, неуязвимый предлог, чтобы подойти к той самой двери. Мысль о том, чтобы просто встать и постучать, казалась дикой и обречённой на провал — как попытка приземлиться без шасси. Нет, нужен был план. Бортпроводники, эти бдительные стражи воздушного закона, уже трижды прошли по салону, собирая мусор, спрашивая, не нужно ли ещё чаю. Их профессиональные, незапоминающиеся лица были для меня теперь серьёзным препятствием.

Идея пришла внезапно, когда мы начали снижение. В салоне загорелась табло «Пристегните ремни». Я увидела, как одна из стюардесс, молодая девушка с аккуратным пучком, несла в камбуз пустой стаканчик от йогурта. Она поставила его на стойку, и я заметила, как стаканчик, не поставленный в держатель, слегка покатился и упал на пол. Она его подняла, но на пластике стойки осталось небольшое, липкое пятно.

Вот он. Мой шанс.

«Спасибо за полёт». Самый банальный, самый невинный повод в мире. Кто может осудить пассажира за вежливость? Даже если это пассажир, чьё сердце колотится так, будто пытается вырваться из грудной клетки и влететь в пилотскую самостоятельно.

Мои ладони вспотели. Я сжала их в кулаки, чувствуя, как дрожь от нервного напряжения передаётся всему телу. В иллюминаторе плыли знакомые огни пригородов, прорезаемые чёрными полосами дорог. Мы возвращались. Скоро всё кончится. Скоро он исчезнет навсегда в служебных помещениях аэропорта, и у меня не останется ничего, кроме бессмысленных воспоминаний о голосе из динамика и взгляде сквозь меня.

Нет. Этого не может произойти.

— Девочки, — сказала я, и мой голос прозвучал хрипло. — Я... мне нужно поблагодарить экипаж. За плавную посадку. Отец всегда говорил, что это важно.

Алина приоткрыла один глаз.

— Ты серьёзно? Ева, они тебя пошлют. У них там дела.

— Я просто скажу «спасибо» и уйду, — настаивала я, уже отстёгивая ремень. Сердце бешено колотилось, выбивая в висках ритм какой-то сумасшедшей симфонии.

— Безумие, — зевнула Катя, не открывая глаз. — Но если очень хочется... Только не задерживайся, а то подумают, что ты террористка с просьбой лететь в Антарктиду.

Я встала. Ноги были ватными. Салон, обычно такой устойчивый, сейчас казался качающейся палубой корабля. Я сделала несколько шагов вперёд, к переборке, где находились туалеты и та самая дверь. Одна из стюардесс, та самая, что роняла стаканчик, с улыбкой преградила мне путь.

— Извините, сейчас идёт снижение, вам нужно быть на своём месте. Пожалуйста, пристегнитесь.

— Я... я только на секунду, — прошептала я, пытаюсь сделать своё лицо максимально невинным и благодарным. — Я хотела бы поблагодарить командира. За прекрасный полёт. Очень... очень спокойно.

Стюардесса немного смутилась. Вежливая благодарность пассажира — это одно. Но приближение к святой святых в такой момент...

— Э-э... Сейчас не самое подходящее время, — начала она, но её перебил мужской голос из небольшого переговорного устройства у неё на поясе. Быстрая, неразборчивая для меня команда. Она прислушалась, кивнула и, немного растерявшись, отступила на полшага.

— Ладно. Только очень быстро. И только у двери.

Она словно пропустила меня через невидимый КПП. Я подошла к белой двери. На ней была небольшая табличка с уже знакомыми словами: «Пилотская. Строго. Вход воспрещён». И маленький глазок-перископ. Сейчас он был чёрным.

Я замерла, не зная, что делать дальше. Постучать? Это казалось слишком громко, слишком нагло. Я просто стояла, как истукан, глядя на матовую поверхность двери, за которой решалась моя судьба.

И дверь открылась.

Не полностью. На несколько сантиметров. Из щели повеяло потоком прохладного воздуха, пахнувшего озоном, пластиком приборной панели и... им. Тем самым смешанным запахом кожи, чистоты и высоты.

В проёме показалось его лицо. Не всё — только часть: скула, профиль, краешек уха с наушником. Он смотрел не на меня, а куда-то в сторону, в салон, вероятно, что-то ища глазами. Потом его взгляд упал на меня.

И всё. Мир сузился до размеров этой щели. До его глаз, которые теперь были не «цвета грозового неба», а просто серыми. Прохладными, ясными, абсолютно незамутнёнными. В них не было ни любопытства, ни раздражения — только вопрос.

— В чём дело? — спросил он. Его голос был таким же, как в динамике, но сейчас он звучал ближе, тише, без микрофонной обработки. И от этого — ещё более реальным и недостижимым. В нём не было ни капли тепла. Это был голос человека, задающего служебный вопрос.

Я открыла рот, но звук застрял где-то в горле. Вся моя тщательно продуманная, дурацкая речь о «благодарности за полёт» испарилась, оставив после себя пустоту и панику.

— Я... — выдавила я наконец. — Я хотела поблагодарить... вас. За полёт. Всё было очень... хорошо.

Последнее слово сорвалось у меня на полтона выше, прозвучав жалко и глупо. Его взгляд скользнул по мне сверху вниз — быстро, без интереса. Он увидел испуганную девчонку в мятых дорожных джинсах и простой футболке, с распушенными от влажного морского воздуха волосами и диким блеском в глазах.

— Спасибо, — сказал он ровно, без интонации. Это прозвучало как штамп. Как автоматический ответ на сотни таких же «спасибо». — Рады, что вам понравилось.

И он начал закрывать дверь. Медленно, не резко, но с той самой железной, не допускающей возражений определённости.

У меня внутри что-то оборвалось. Паника сменилась отчаянной, слепой дерзостью. Я инстинктивно выставила вперёд руку, не чтобы помешать, а как жест мольбы.

— Подождите...

Дверь остановилась. Он снова посмотрел на меня. И в этот раз в его глазах появилось что-то. Лёгкая, едва заметная тень нетерпения. Тончайшая плёнка вежливого, но недвусмысленного раздражения. Будто я отвлекаю его от действительно важных дел — от показаний альтиметра, от разговора с диспетчером, от выверенного расхода топлива.

— Извините, — сказал он, и в его голосе впервые прозвучала сталь. Не грубость, а холодная, отполированная до блеска профессиональная дистанция. — У нас правила. Пассажирам не положено находиться у пилотской во время выполнения полёта, особенно на снижении. Пожалуйста, вернитесь на своё место и пристегнитесь.

Каждое слово било, как лёгкая, но точная пощёчина. «У нас правила». «Не положено». «Пожалуйста, вернитесь».

Он не ждал ответа. Дверь мягко, но неумолимо закрылась перед моим носом с тихим, но окончательным щелчком замка. Я стояла, глядя на своё бледное отражение в матовой белой поверхности, чувствуя, как жгучий стыд и обида поднимаются от самого сердца к лицу, окрашивая щеки густым багрянцем.

Позади раздался мягкий, но настойчивый голос стюардессы:

— Вам нужно сесть, пожалуйста. Сейчас посадка.

Я повернулась и поплелась обратно, не видя ничего перед собой. Звуки салона — гул двигателей, голоса — доносились как из-за толстого стекла. Алина и Катя смотрели на меня с немим вопросом. Я молча опустила в кресло, щёлкнула ремнём и уставилась в иллюминатор, где уже чётко вырисовывались огни взлётно-посадочной полосы, несущиеся навстречу.

«Извините, у нас правила».

Его фраза крутилась у меня в голове, безжалостная и чистая, как лезвие. В ней не было ничего личного. В этом-то и была вся боль. Для него я была не Ева, не девушка, пережившая озарение на высоте десяти тысяч метров. Я была нарушением. Сбоем в отработанной процедуре. Незначительным, легко устранимым инцидентом, который нужно было прекратить, сославшись на параграф такой-то.

Самолёт коснулся шасси полосы с лёгким встряхиванием, затем послышался рев реверса, вжимающий в кресло. Мы катились по бетонке, замедляя ход. Путешествие заканчивалось.

А для меня оно только что обрело чёткую, мучительную цель. Правила. Он живёт по правилам. В его мире всё выверено, расписано, предсказуемо. А я ворвалась в этот мир, как непредвиденная турбулентность. И меня оттуда вежливо, но твёрдо выпроводили.

Я сжала кулаки так, что ногти впились в ладони. Стыд потихоньку отступал, уступая место другому чувству — упрямому, горячему, знакомому по отцу. Чувству, когда тебе говорят «невозможно», а ты сжимаешь челюсти и думаешь: «Посмотрим».

Он отверг меня, потому что у него есть правила. Хорошо. Но у меня, дочери бывшего пилота, тоже есть свои правила. Первое из них: если ты взял курс, ты его выдержишь, несмотря ни на что. Даже если диспетчер говорит, что полоса занята. Даже если на пути — грозовой фронт.

В иллюминаторе промелькнули огни терминала. Самолёт замер на стоянке. Раздался привычный звонок и объявление об окончании полёта.

Я отстегнула ремень. Мои подруги уже хватали вещи с полка.

— Ну что, лётчик поблагодарил? — с лёгкой иронией спросила Катя.

— Нет, — тихо ответила я, поднимаясь. В голосе не было ни обиды, ни растерянности. Только тихая, стальная решимость. — Он сослался на правила.

— А я что говорила? — вздохнула Алина. — Забудь его, Ева. Он просто выполнял работу.

Они пошли к выходу, сливаясь с потоком пассажиров. Я задержалась на секунду, бросив последний взгляд на белую дверь. Она молчала, непроницаемая.

«Забудь», — сказала подруга. Но как можно забыть точку, которая уже стала твоим новым магнитным курсом? Как можно забыть голос, ставший для тебя единственно важной частотой в эфире?

Я повернулась и пошла по проходу, нащупывая в кармане телефон. Первое правило моего нового полётного задания было простым: разведка. А для разведки нужна информация. И у меня был единственный источник, который мог её дать.

Пришло время поговорить с отцом.

Глава 4

Так папа в шутку называл нашу трёхкомнатную квартиру на шестнадцатом этаже, окна которой выходили прямо на подлётную зону. С детства я засыпала и просыпалась под убаюкивающий гул двигателей, научившись различать по звуку «Аэробус» от «Боинга». Здесь, среди моделей самолётов на полках, старых авиационных карт в рамках и фотографии отца в лётной форме у фюзеляжа Ту-154, я чувствовала себя в безопасности. Это была моя зона уверенности, где все «полёты», даже самые неудачные, можно было спокойно разобрать по косточкам.

Но сегодня этот «аэродром» казался самым одиноким местом на свете. Тоска, которую я привезла с собой вместо загара, была тяжёлой, как свинцовая плита. Она лежала на груди, мешая дышать. Я скинула рюкзак посреди коридора, пнула его ногой и прошла на кухню, где уже горел свет и пахло свежесваренным кофе.

Отец, Андрей Николаевич, стоял у окна, спиной ко мне, наблюдая, как в ночном небе мигающими огнями уходит на восток очередной лайнер. На нем были старые потертые спортивные штаны и футболка с едва читаемой надписью какого-то забытого авиасалона. В его позе, даже расслабленной, угадывалась привычная выправка.

— Приземлилась, — сказал он, не оборачиваясь. Его голос, низкий и слегка хриловатый от многолетнего общения через шумоподавляющие гарнитуры, был полон спокойной радости. — Как рейс? Трясло?

Я не ответила. Подошла к холодильнику, достала бутылку воды и долго, с жадностью пила, пытаясь смыть ком в горле.

Отец обернулся. Его внимательный, пронзительный взгляд, который за долгие годы научился за секунды считывать показания десятков приборов, теперь изучал моё лицо. Он мгновенно отметил бледность, слишком яркий румянец на щеках (следы стыда ещё не сошли), и главное — отсутствие обычного огонька в глазах.

— Э-э-э, — протянул он, ставя свою кружку на стол. — Мой бортинженер сообщает о нештатной ситуации. Вижу признаки сильной психологической турбулентности. Садись, командир. Докладывай.

Он всегда так говорил. «Командир». С самого детства. Не «доченька», а «командир». Это было его высшей формой доверия и уважения. Он садился напротив, отодвинув кружку, и складывал руки на столе, всем видом показывая, что сейчас его единственная и самая важная задача — слушать.

И я начала. Сначала сбивчиво, путаясь в словах. Про то, как заметила его на трапе. Про голос из динамика, который «не такой, как все». Про ту секунду у пилотской, когда он посмотрел на меня как на пустое место. А потом, когда слова полились быстрее, про свою дурацкую, унижительную попытку подойти. И про его фразу. «Извините, у нас правила».

— ...и он просто закрыл дверь, пап. Просто взял и закрыл. Будто я... будто я мусор какой-то под ногами, — выдохнула я, наконец, упираясь взглядом в узоры на столешнице. Глаза жгло, но я сжала зубы. Плакать перед отцом из-за парня? Ни за что.

Отец молчал. Долго. Я рискнула поднять на него глаза. Я ожидала усмешки, лёгкой иронии, мудрого «сама виновата» или успокаивающего «забей, найдёшь другого». Но на его лице не было ничего из этого. Он смотрел на меня с таким глубоким, сосредоточенным вниманием, будто слушал не исповедь дочери о несчастной любви, а доклад второго пилота о неисправности в топливной системе.

Он взял свою кружку, сделал медленный глоток, поставил её обратно с тихим, точным щелчком.

— Волков, говоришь? Сергей?

Я кивнула, удивлённая.

— Четыре полосы. Высокий, глаза серые, взгляд... как у сокола перед атакой? Холодный такой.

— Т-ты... ты его знаешь? — вырвалось у меня, и сердце ёкнуло с новой, смешанной силой — надежды и ужаса.

— Нет, лично — нет, — покачал головой отец. — Но портрет узнаю. Таких, как он, не так много. Это не просто пилоты, Ева. Это — «железные». Те, у кого в жилах вместо крови — авиационное топливо, а вместо сердца — гироскоп. Ходят по земле, но душой всегда там, на эшелоне. Для них самолёт — продолжение тела, а правила — священное писание. Он тебя не как мусор отшил.

Отец сделал паузу, глядя мне прямо в глаза.

— Он тебя отшил как непредвиденное атмосферное явление. Как болтанку, которая может помешать чёткому выполнению предписанной процедуры захода на посадку. Для тебя это личная драма. Для него — устранение помехи в работе. Понимаешь разницу?

Его слова, точные и безжалостные, как хирургический скальпель, резали по живому. Но в них не было осуждения. Была констатация факта. Лётчик — лётчику.

— Значит... это безнадёжно? — прошептала я, и в голосе прозвучала та самая щемящая нота, которую я так старалась скрыть.

И тут отец... рассмеялся. Не злорадно, а с какой-то тёплой, понимающей иронией. Он откинулся на спинку стула, и морщинки у его глаз собрались в лучики.

— Ах, командир, командир... — покачал он головой. — Ты же моя дочь. Разве я тебя учил сдаваться при первой же неудачной попытке захода? Помнишь, как ты в десять лет на симуляторе двадцать раз подряд разбивала «Кукурузник», пытаясь посадить его на узкую полосу? И что? Двадцать первый раз — получилось.

Я смотрела на него, не понимая.

— Но это же другое... Это не симулятор. Это... человек. Со своими правилами.

— Правила, — фыркнул отец. — Правила созданы для того, чтобы их знать. А зная — можно понять, как в их рамках работать. Или как их... осторожно обойти, если цель того стоит. — Он подмигнул мне, и в его глазах блеснул тот самый озорной огонёк, который, как я знала из маминих рассказов, когда-то заставлял начальство летного отряда хвататься за голову. — Ты сказала, он для тебя — точка невозврата. Так ведь?

Я кивнула, уже чувствуя, как камень тоски на груди даёт первую трещину, сквозь которую пробивается странное, щекочущее нервы чувство — азарт.

— Так вот. Если точка пройдена — отступать некуда. Остаётся только один путь — вперёд, к цели. Даже если на пути — сплошная облачность и встречный ветер.

Он встал, подошёл к окну, снова посмотрел на огни в небе.

— Хочешь, я помогу тебе провести... ммм... предполётную подготовку? Собрать данные о цели? В наше время это называлось «разведка погоды по маршруту».

Я вскочила со стула.

— Ты серьёзно? Ты... не против? Ты же всегда говорил, что нужно держать дистанцию, не лезть...

— Я говорил — держать дистанцию в небе, чтобы не столкнуться, — поправил он меня, оборачиваясь. В его лице не было и тени насмешки. Была сосредоточенность инструктора, готовящего ученика к сложному, но выполнимому заданию. — На земле другие законы. И если уж моя дочь выбрала себе в цели такого... «железного» пилота, то ей нужна вся возможная информация. Чтобы не врезаться вслепую. Договорились?

В его тоне сквозила забота. Не вседозволенность, а именно забота. Он видел, что я влетела в зону сильнейшей турбулентности, и предлагал не вывести меня из неё, а дать штурвал и приборы, чтобы я прошла её сама.

— Договорились, — выдохнула я, и в груди, наконец, что-то расправилось, уступив место твёрдой решимости.

— Отлично, — кивнул отец. — Тогда план действий номер один: ты идешь спать. Выглядишь, будто тебя через спираль штопора прогнали. А я... я сделаю пару звонков. У меня остались друзья в лётном отряде, диспетчеры кое-какие. Узнаю про твоего капитана Волкова «немного» информации. Не обещаю досье с фотографией из детского сада, но основы — район, может, хобби, характер по слухам — выясним.

Он подошёл, положил тяжёлую, тёплую ладонь мне на голову, как делал, когда я была маленькой и приходила жаловаться на ссадину на коленке.

— И, командир? Одно правило. Твоё. Ты всё рассказываешь мне. Весь полётный лист. Весь чек-лист перед следующим «заходом на посадку». Я буду твоим штурманом. Без секретов. Поняла?

В его глазах читалось не только участие, но и лёгкая тревога. Он выпускал меня в самостоятельный полёт в опасную зону, и хотел хотя бы видеть мой маршрут на радаре.

— Поняла, — кивнула я, и впервые за весь вечер на моём лице появилось подобие улыбки. — Без секретов.

— Тогда — по местам. Завтра утром будет брифинг.

Я побрела в свою комнату. Тоска не ушла совсем, но она переплавилась во что-то другое. В предвкушение. В холодный, целенаправленный расчёт. Я легла в кровать и уставилась в потолок, где колебался отблеск пролетающих за окном огней.

«Непредвиденное атмосферное явление», — повторила я про себя слова отца. Хорошо. Пусть так. Но даже у непредвиденного явления есть физическая природа. Его можно изучить, просчитать, понять. И, если очень постараться... к нему можно приспособиться. Или даже сделать его частью своего маршрута.

За стеной, в гостиной, я услышала приглушённый голос отца. Он уже говорил по телефону, и в его тоне звучали деловые, знакомые нотки: «Привет, старина, тут одно дело... Да нет, по работе... Лётчик один интересует...»

Я закрыла глаза. В голове, как настойчивый сигнал радиомаяка, снова зазвучал его голос: «Извините, у нас правила».

Хорошо, капитан Волков. У вас — правила. А у меня теперь — есть штурман. И мы скоро узнаем, по каким правилам играем.

Глава 5

Утро следующего дня началось не с солнечного света, а с внутреннего напряжения, туго натянутого, как струна. Я проснулась до будильника, и первое, что ощутила — не расслабленность после отпуска, а ту же самую вибрацию нетерпения в груди, что будила меня перед важными экзаменами в лётной школе отца, когда мне было двенадцать.

Весь ритуал — душ, завтрак — прошёл в режиме автопилота. Я машинально намазывала масло на хлеб, уставившись в пустоту, где перед мысленным взором снова и снова возникала белая дверь и стальной взгляд из-за неё. Правила. Он живёт по правилам. Значит, и подход нужен системный. Но какой?

Отец появился на кухне, когда я уже допивала второй стакан воды, пытаюсь заглушить подкатывающее к горлу волнение. Он выглядел спокойным, даже слегка задумчивым, и в его руках был не телефон, а старый потёртый блокнот в кожаной обложке — его «бортовой журнал» для всяких важных записей. Он положил его на стол с выразительным стуком и сел напротив.

— Ну что, командир, — начал он, открывая блокнот на чистой странице. — Выспалась? Готова к получению метеосводки и данных по аэродрому назначения?

Его деловой тон немного успокоил меня. Это превращало мою лихорадочную влюблённость в нечто вроде лётного задания, со своими параметрами и тактикой.

— Готова, — кивнула я, выпрямив спину. — Докладывайте.

Отец удостоил мою попытку играть по его правилам лёгкой, одобрительной улыбкой в уголках губ.

— Итак, объект разведки: Волков Сергей Игоревич. Тридцать лет ровно. Выпускник Ульяновского лётного училища, карьеру начинал на региональных линиях, летал на «кукурузниках» Ан-2, потом — Як-40. Сейчас — командир Airbus A320 в «Аэрофлоте». Налёт — около семи тысяч часов. Что, кстати, весьма прилично для его возраста.

Он говорил размеренно, как зачитывал бы данные из авиационного справочника. Я ловила каждое слово, впитывая его, как губка. Семь тысяч часов. Это почти триста суток непрерывного полёта. Целая жизнь в небе.

— Характеристики? — спросила я, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

— По отзывам — пилот от Бога, — отец сделал паузу, давая словам проникнуть вглубь. — Хладнокровный, с быстрой реакцией. В прошлом году сажал машину с отказавшим двигателем в Шереметьево в сложных метеоусловиях. Экипаж и пассажиры — целы, машина — в ремонте. Получил благодарность и, наверное, ещё одну седую прядь на висках. Из недостатков... — отец перелистнул страницу. — Слишком серьёзный. Почти необщительный. Не пьёт в компаниях, не участвует в корпоративах. Коллеги зовут его не «Серёгой», а «Волком» или «Капитаном» даже за глаза. Уважают, но держатся на расстоянии.

Образ вырисовывался чётче, приобретая объём. Он был не просто холодным красавцем в форме. Он был Героем с большой буквы. Аскетом. Монахом в миру, чей монастырь — кабина пилота. От этого он становился ещё более недостижимым и... безумно притягательным.

— Личная жизнь? — выдохнула я, боясь услышать ответ.

— Здесь данные противоречивы, — нахмурился отец. — Официально — не женат. По некоторым слухам, есть девушка, тоже из авиации, стюардесса. Но информации мало. Живёт один. — Он посмотрел на меня поверх блокнота. — Адрес у меня есть. Но я тебе его не дам.

— Пап! — не выдержала я.

— Спокойно. Слушай дальше. Он не тусовщик, не ходит по клубам. Но у него есть два места силы, куда он ходит стабильно, как по расписанию. Два его «аэродрома подскока» на земле.

Отец снова перелистнул страницу, и я увидела аккуратные, сделанные его твёрдым почерком записи.

— Первое. Каждый второй четверг он посещает магазин «Крылья истории» на Старом Арбате. Специализированный, для коллекционеров. Покупает модели самолётов для сборки, краски, литературу. Увлекается исторической авиацией, Второй мировой войной. Особый интерес — советские истребители. Як-9, Ла-5. Собирает их скрупулёзно, до последнего винтика, говорят.

В моей голове мгновенно вспыхнула картина: его большие, точные руки, которые управляют стотонной машиной, кропливо работают над крошечной моделью. Концентрация. Внимательность к деталям. Тишина. Это было так на него похоже, что у меня ёкнуло сердце.

— Второе, — голос отца стал ещё более деловым. — По субботам, если он не в рейсе, он с девяти до одиннадцати утра находится в тире «Снайпер» на Ленинградском шоссе. Стреляет из пистолета Макарова. Не для галочки, а постоянно оттачивает навык. Результаты, говорят, отличные. Ходит туда уже года три, всегда один, ни с кем не общается. Пришёл, отстрелял две коробки патронов, ушёл.

Тир. Место дисциплины, контроля, преодоления себя. Идеальное продолжение его натуры. Моё воображение уже дорисовывало картину: его сосредоточенный профиль, прищуренный глаз, ровное, контролируемое дыхание перед выстрелом.

Отец закрыл блокнот.

— Вот, собственно, и всё, что можно было узнать за одну ночь, не привлекая излишнего внимания. Никаких скандалов, долгов, вредных привычек. Прямолинейный, как взлётная полоса. И, судя по всему, так же непроходим для посторонних.

Он смотрел на меня, ожидая реакции. Я молчала, переваривая информацию. Недостигаемый герой. Аскет. Коллекционер. Стрелок. Каждая деталь не отпугивала, а, наоборот, манила. Она делала его из абстрактной мечты — реальным, сложным, многогранным человеком. Человеком со своими ритуалами, своей внутренней крепостью.

— Значит, подходить напрямую — бесполезно, — медленно проговорила я, больше для себя. — В самолёте — правила. В жизни — чёткий график и свои границы. Нужно... нужно стать частью этого графика. Не нарушением, а... естественным элементом среды.

Отец одобрительно кивнул. Мой ход мыслей явно совпадал с его ожиданиями.

— Именно. Не лезть на КПП с криком «впустите!», а аккуратно приземлиться на его «аэродромы подскока». Стать знакомым лицом. Не вызывающим раздражение, а вызывающим... ну, хотя бы отсутствие отторжения.

И тут до меня наконец дошёл весь смысл сказанного. У меня есть план. Не абстрактное «найти его», а конкретный, выверенный маршрут. Магазин моделей. Тир. Два места, где он существует не как капитан Волков, а просто как Сергей. Где у него, возможно, приоткрывается щелочка из-под брони профессионализма.

Во мне что-то дрогнуло, а затем взорвалось тихой, всепоглощающей эйфорией. Это не была радость в чистом виде. Это был кайф первооткрывателя, получившего в руки карту сокровищ. Азарт тактического планирования. Ликование от того, что непреодолимая стена вдруг обрела две конкретные, пусть и очень узкие, лазейки.

Я вскочила со стула, не в силах усидеть на месте.

— Тир, — выдохнула я. — Суббота. Это... это же завтра?

— Завтра, — подтвердил отец, и в его глазах промелькнула тень беспокойства. — Но, Ева... Ты же никогда не стреляла из боевого оружия. Это не игрушки.

— Ты же учил меня! — парировала я, начиная расхаживать по кухне. — Помнишь, в тире в Подмоскovie, на пневматике? Ты говорил: «Главное — дыхание, хват и плавный спуск». Я помню!

— Пневматика и Макаров — это как планер и истребитель пятого поколения, — сухо заметил отец. — Но... ладно. Допустим. А что с моделями? Ты последний раз клеила «кукурузник» в пятом классе, и у него было только одно крыло.

— Научусь! — заявила я с пылом неопита. — Буду ходить в тот магазин, буду спрашивать совета... Я же дочь пилота! Мне должно быть интересно! Это же логично!

Я остановилась перед окном, глядя на утреннее небо, по которому, сверкая на солнце, медленно плыл аэробус. Он где-то там, за штурвалом одной из этих птиц. Но скоро он будет здесь, на земле. В моей досягаемости. Не вся его жизнь, нет. Но два островка. Две возможности.

Я обернулась к отцу. Ликование на моём лице, должно быть, было таким ярким и безрассудным, что он вздохнул.

— Только осторожно, командир, — сказал он серьёзно. — Помни, с кем имеешь дело. Это не мальчик из соседнего подъезда. Это человек, который привык всё контролировать. Любое резкое движение, любая фальшь — и он просто нажмёт на газ и уйдёт на второй круг. Навсегда.

— Я знаю, — кивнула я, и в голосе зазвучала твёрдая уверенность, которой сама от себя не ожидала. — Я не буду делать резких движений. Я буду... изучать. Я стану для него частью ландшафта. Чем-то привычным и не вызывающим тревоги.

Отец смотрел на меня долгим, изучающим взглядом. Потом медленно кивнул.

— Ладно. Тогда сегодня — подготовка. Вечером съездим на Ленинградку, посмотрим на этот тир снаружи, уточним расписание. И... — он тяжело вздохнул, — нужно будет научить тебя хоть как-то держать в руках пистолет. Хотя бы не выронить его и не выстрелить в потолок.

Я подбежала и обняла его, зарывшись лицом в его твёрдое, надёжное плечо.

— Спасибо, пап. Спасибо, что не отговариваешь. Спасибо, что... штурман.

— Да уж, — он похлопал меня по спине, и в его голосе снова зазвучала лёгкая ирония. — Штурман в самой сумасшедшей миссии за всю свою карьеру. Но что поделать, если командир взял курс на айсберг. Остаётся только надеяться, что у этого айсберга окажется мягкое брюхо.

Я отстранилась, сияя. В груди бушевала буря из надежды, страха и безудержного энтузиазма.

У меня был план. Были координаты. Было понимание врага... то есть, цели. Осталось самое сложное — пройти невидимым через его систему ПВО и совершить посадку в его жизни.

И первая попытка — уже завтра.

Глава 6

Суббота началась с рассвета, который я встретила уже полностью одетой, перебирая в руках новые, специально купленные накануне стрелковые перчатки. Они пахли кожей и новизной, и от этого запаха слегка подташнивало.

Весь вечер пятницы прошёл в интенсивной, почти армейской подготовке. Отец, сменив роль снисходительного штурмана на сурового инструктора, возил меня на заброшенный полигон друга, где заставил стрелять из пневматического пистолета до тех пор, пока у меня не заболело плечо, а в ушах не зазвенело. Уроки детства всплывали обрывочно: «Не цепляйся за пистолет мёртвой хваткой, он — продолжение руки», «Спусковой крючок — не кнопка, его нужно обнимать», «Выдох — пауза — плавный спуск». Он был безжалостен, поправляя каждый мелкий промах. «Он заметит, — твердил отец. — Если ты придешь и будешь держаться как новичок, он сразу раскусит спектакль. Тебе нужно выглядеть... уверенно неумелой. Понимаешь? Не профаном, а тем, кто имеет базовые навыки, но не мастак».

«Уверенно неумелой». Этот оксюморон крутился у меня в голове всё утро, пока я намазывала круги по комнате. Я проверила экипировку сто раз: чёрные обтягивающие джинсы (не для красоты, а для свободы движения), плотная футболка, куртка без лишних молний, чтобы не цепляться. Волосы убраны в тугий пучок. Ничего лишнего, ничего кричащего. Я должна была вписаться в атмосферу места, стать его частью.

Отец отвёз меня к тиру за полчаса до открытия.

— Я буду ждать в машине в двух кварталах отсюда, — сказал он, не глядя на меня. Его пальцы нервно барабанили по рулю. — На всякий случай. Если что... позвони. Любое «что».

— Всё будет хорошо, — ответила я с наигнутой бодростью, которой сама не чувствовала.

— Просто помни, — он наконец повернулся, и в его глазах была та самая тревога, которую он тщательно скрывал. — Это не игра. Не симулятор. И уж точно не курортный флирт. Это человек, который различает фальшь за километр, как ложный сигнал маяка. Будь... будь собой. Только очень осторожной собой.

Я кивнула, не в силах ничего сказать, и вышла из машины. Воздух был холодным, предосенним, и он обжёг лёгкие, протрезвляя. Тир «Снайпер» располагался в невзрачном кирпичном здании, больше похожем на склад или гараж. Никаких вывесок с красноречивыми силуэтами, только скромная табличка у двери. Место для своих.

Я вошла первой, как только дверь открылась. Внутри пахло порохом, маслом для чистки оружия, металлом и... тишиной. Не абсолютной, а особой, сосредоточенной тишиной, прерываемой лишь редкими, приглушёнными щелчками где-то в глубине. Администратор, мужчина лет пятидесяти с лицом, будто вырезанным из гранита, бросил на меня беглый, оценивающий взгляд.

— Первый раз? — спросил он, не выражая ни интереса, ни неприязни.

— Не совсем, — ответила я, стараясь, чтобы голос не дрогнул. — На пневматике стреляла. Хочу попробовать боевой.

— Паспорт. Инструктаж.

Процедура заняла минут десять. Подпись под бумагами об ответственности, краткий, монотонный инструктаж о правилах безопасности, которые я и так знала назубок со вчерашнего дня. Мне выдали беруши, защитные очки и ключ от бокса на линии огня — номер семь. Я выбрала его не случайно. Согласно разведанным отца, Сергей обычно занимал бокс номер четыре или пять. С седьмого его было хорошо видно, но при этом я не оказывалась у него «на носу».

Я заняла свой бокс, ощущая холод металлического столика под пальцами. Передо мной, в полутьме, уходила вдаль стрелковая галерея с контурами бумажных мишеней. Я зарядила

магазин (пальцы дрожали, и первый патрон я уронила), вставила его, передернула затвор с непривычно тяжёлым, металлическим скрежетом. Звук был настолько реальным, настолько чуждым всему в моей прежней жизни, что на мгновение меня охватила паника. Что я здесь делаю?

И в этот момент боковая дверь, ведущая, видимо, из служебных помещений, открылась. Вошёл он.

Сергей Волков в гражданской одежде был одновременно тем же самым и совершенно другим. На нём были простые тёмные тренировочные штаны, чёрная футболка и лёгкая безрукавка. Никакой формы, никаких полосок. Но осанка, манера двигаться — целеустремлённая, экономная — выдали его с первых же секунд. Он нёс свой пистолет в небольшом пластиковом кейсе. Его лицо было сосредоточено, взгляд направлен внутрь себя, на ту тихую, подготовительную процедуру, которая предшествовала стрельбе.

Он даже не огляделся. Прошёл к своему привычному боксу (номер пять), поставил кейс, начал готовиться. Я наблюдала краем глаза, боясь повернуть голову. Его движения были отточенными, автоматическими: проверка оружия, снаряжение магазина, надевание наушников и очков. Всё без суеты, с той же холодной эффективностью, с какой он, должно быть, выполнял чек-лист в кабине.

Я выдохнула и подняла пистолет. Вес оказался неожиданным, непривычным. Я приняла стойку, как меня учили: боком, ноги на ширине плеч, руки вытянуты, левая обхватывает правую. Сконцентрировалась на мишени. Вдох. Выдох. Пауза. Плавный спуск.

Выстрел оглушил меня, даже сквозь беруши. Отдача всколыхнула руки, отдалась в плечах. Я не видела, куда попала, да это было и неважно. Я сделала ещё один выстрел. И ещё. Постепенно мир сузился до прицельной мушки, ритма дыхания и тяжёлой работы мышц. Я забыла на время, зачем пришла. Здесь и сейчас была только я, оружие и цель.

Отстреляв первый магазин, я опустила пистолет, чтобы перезарядиться. И в этот момент почувствовала на себе взгляд.

Медленно, будто против воли, я повернула голову. Он стоял в своём боксе, его пистолет был опущен, защитные очки сдвинуты на лоб. Он смотрел на меня. Не насквозь, не сквозь, как в самолёте. Он рассматривал.

Его взгляд был не холодным, а аналитическим. Он заметил. Заметил мою стойку. Заметил, как я держу оружие. В его серых глазах промелькнуло что-то... удивление? Лёгкое, едва уловимое недоумение? Казалось, он не ожидал увидеть в этой девушке, которая неделю назад лезла к нему в пилотскую, кого-то, кто способен более-менее правильно держать в руках пистолет.

Наши взгляды встретились на долю секунды. Во мне всё похолодело и одновременно вспыхнуло. Я застыла, не зная, как реагировать. Улыбнуться? Кивнуть? Сделать вид, что не заметила?

Он решил за меня. Он очень коротко, почти формально кивнул. Один раз. Без одобрения, без интереса. Просто констатация факта: «Я тебя видел. Я отметил несоответствие первоначальному впечатлению». И всё.

Затем он так же спокойно вернул очки на глаза, поднял пистолет и продолжил стрельбу. Его выстрелы ложились ровной, частой чередой — без суеты, без пауз. Профессионально.

Я простояла ещё секунду, сжимая в потных ладонях пистолет и магазин. Кивок. Просто кивок. Ни слова. Ни намёка на продолжение контакта. Он заметил, удивился и... отложил информацию в какой-то внутренний архив. Как интересный, но незначительный факт. Как погрешность в показаниях прибора, которая не влияет на общую картину.

Обида, острая и жгучая, подкатила к горлу. Но почти сразу её сменила волна иного замешательства. Он заметил. Это уже что-то. Он не проигнорировал полностью. Он отметил несоответствие. В его мире, построенном на точных данных, я перестала быть просто «назойливой

пассажиркой». Я стала «назойливой пассажиркой, которая неожиданно умеет стрелять». Это был крошечный, но всё же сдвиг. Прогресс, измеряемый в микронах.

Я собралась с духом, зарядила второй магазин и продолжила стрельбу. Теперь я стреляла уже не просто для вида. Я стреляла, чтобы доказать. Себе и ему, краем его периферийного зрения, что этот навык — не случайность. Что я не просто играю в шпионку.

Мы закончили почти одновременно. Он аккуратно упаковал своё оружие в кейс, снял и сложил очки и наушники, протёр стол ветошью. Его движения были чистыми, быстрыми. Он вышел из бокса и направился к выходу, не оглядываясь.

Я, с дрожащими от напряжения руками, кое-как упаковала выданное оружие и почти выбежала вслед за ним. Я увидела его спину — он уже был у двери.

— Э-э... — сорвался с моих губ звук, но он был таким тихим, что его заглушил скрип двери.

Он вышел, не обернувшись. Я застыла в проходе, глядя, как дверь медленно закрывается за ним. Администратор что-то сказал мне, но я не расслышала. В ушах всё ещё стоял звон от выстрелов, а в голове — тот короткий, ничего не значащий кивок.

Я вышла на улицу. Его нигде не было видно. Он растворился в субботнем утре, как и всегда, по своему расписанию.

Я побрела к машине отца. Он, увидев моё лицо, ничего не спросил, просто завёл двигатель.

— Ну? — произнёс он наконец, когда мы отъехали.

— Он заметил, — прошептала я, глядя в окно. — Он видел, как я стреляю. И кивнул.

— И?

— И всё. Ушёл.

Отец молча кивнул, будто такой результат был ему отлично понятен.

— Ну, командир, — сказал он после паузы. — Ты совершила первый заход. Не села, но и не разбилась. Взорвала полосу? Нет. Но, возможно, оставила на ней небольшую вмятину, которую диспетчерская служба (то есть он) зафиксирует. Это начало.

Я закрыла глаза. В памяти всплывало его лицо в момент того аналитического взгляда. Удивление. В нём не было тепла, но в нём было внимание. Пусть на долю секунды, пусть сугубо профессиональное.

Это было мало. Ничтожно мало. Но для старта моего безумного «полёта» — достаточно. Значит, курс верен. Значит, нужно готовиться ко второму «заходу». В магазин «Крылья истории».

И на этот раз мне нужно было не просто «уметь стрелять». Мне нужно было разбираться в Як-9 и Ла-5. И это казалось задачей почти столь же сложной.

Глава 7

Турбины замолчали, и в кабине воцарилась та особая тишина, что наступает после посадки — гулкая, насыщенная выполненной работой. Я потянулся, почувствовав знакомую усталость в мышцах плеч, и скользнул взглядом по последним строкам на экране бортового компьютера. Посадка — «мягкая», по пятибалльной шкале диспетчера — твердая четверка. Второй пилот, молодой, ещё пахнувший учебкой Коля, облегчённо выдохнул и убрал козырек шлема.

— Капитан, можно я пойду? Жена ждёт, сегодня у дочки утренник в саду.

— Иди, — кивнул я, не поднимая головы от журнала полёта. — Отчёт я сдам.

Он выскочил из кабины, полный предвкушения обычной, земной радости. Я остался один. Обычно эти минуты после полёта, когда самолёт уже зарулил на стоянку, а пассажиры толпятся в проходе, я ценил больше всего. Тишина. Порядок. Все системы отработали, чек-лист завершён. Можно просто сидеть и быть никем. Не капитаном Волковым, а просто человеком в слишком тесной кабине, который сделал своё дело.

Но сегодня тишина не несла покоя. Сегодня в ней, как назойливый фоновый шум, сидела она. Та девчонка. Из тира.

Неделю назад — навязчивая пассажирка, лезущая в пилотскую с дурацким предлогом. Сегодня — человек в боксе номер семь, который держит пистолет так, как держат его люди, прошедшие хоть какую-то подготовку. Стойка. Хват. Плавный спуск. Никакого страха в глазах, только жуткая, неестественная сосредоточенность. Как будто она сдавала экзамен. Не по стрельбе. А по чему-то другому.

И её взгляд, когда наши глаза встретились. Не испуг, не смущение. Вызов? Нет, скорее отчаянная надежда. На что? Чтобы я заметил? Я заметил. И кивнул. Чисто автоматически, как киваешь коллеге-дальнобойщику на трассе. И сразу же пожалел. Не нужно было устанавливать контакт. Любой контакт — это потенциальное отклонение от курса. А я ненавижу отклонения.

Я резко встал, откинув штурвал, и приступил к завершающим процедурам. Проверил, всё ли выключено, собрал свои планшет, шлем, лётную сумку. Механики уже стучали снаружи, готовясь к техобслуживанию. Пора было уходить.

Пройдя через салон, уже пустой и освежённый бригадой уборщиков, я машинально отметил её бывшее место — 22А. У иллюминатора. Потом с силой отогнал эту мысль. Чушь. Она — случайный пассажир. Точка на радаре, которая мигнула и исчезла. Таких десятки каждый день.

В раздевалке сменил форму на гражданку: чёрные джинсы, серый свитер, простая кожаная куртка без каких-либо опознавательных знаков. В зеркале на меня смотрел усталый мужчина с твёрдым, замкнутым лицом и слишком внимательными глазами. Глазами, которые привыкли видеть не лица, а приборы, не пейзажи, — маршруты. Я натянул капюшон, взял сумку и вышел через служебный выход, минуя главный зал прилёта с его шумной, липкой от эмоций атмосферой.

Инга ждала меня там, где и договаривались, — у колонны возле выхода к такси. Она умела выбирать места — не на виду, но так, чтобы я её сразу увидел. Увидел и, как всегда, отметил про себя её безупречность. Светлые волосы собраны в тугую, сложную косу, пальто цвета кофе с молоком идеально сидит на её подтянутой фигуре, сапоги на невысоком, но изящном каблуке. Она была воплощением порядка. Предсказуемости. Как график полётов, расписанный на полгода вперёд.

Улыбка, которую она мне подарила, была столь же безупречной — широкая, тёплая, с правильным количеством участия в глазах. Улыбка стюардессы высшего класса. Она сделала два шага навстречу и, не целуя в губы, поцеловала в щёку, чуть коснувшись меня ароматом своих духов — холодные цветы и что-то древесное, дорогое.

— Серёж! Наконец-то. Я уже начала волноваться.

— Задержка на рулении была, — буркнул я, позволяя ей взять меня под руку. Её пальцы тонкие, но хватка уверенная. — Говорил, не надо встречать.

— Хотела увидеть тебя поскорее, — сказала она, и в её голосе промелькнула та самая, едва уловимая нота, которая всегда предвещала «разговор». Не сейчас. Позже. Когда мы останемся наедине.

Мы пошли к её машине, новенькому компактному кроссоверу, который она выбрала за безопасность и экономичность. Я сел на пассажирское сиденье, откинул голову на подголовник и закрыл глаза. Усталость накатывала волной — не физическая, а та, что копится от постоянного контроля. Контроля над машиной, над экипажем, над собой.

— Ты очень устал, — констатировала Инга, плавно выезжая с парковки. Её вождение было таким же аккуратным, как и всё остальное. — Три рейса за четыре дня. Это безумие.

— График, — односложно ответил я.

— Может, возмёшь отпуск? Осенью цены падают, могли бы съездить в Турцию... или на Мальдивы.

— Посмотрим, — сказал я, хотя уже знал, что не возьму. Отпуск — это неопределённость. Пустое время, которое нужно чем-то заполнять. А я разучился заполнять его чем-либо, кроме работы, тира и сборки моделей.

Она какое-то время молчала, включая и выключая подогрев сидений, будто подбирая нужную температуру для нашего разговора.

— Как прошёл рейс? — спросила она наконец, просто чтобы говорить.

— Нормально.

— Никаких происшествий?

— Ничего особенного.

«Кроме одной странной девчонки, которая теперь ещё и стреляет», — пронеслось у меня в голове, и я с внутренним раздражением отогнал эту мысль. Это не «происшествие». Это помеха. И я устранил её, просто закрыв дверь. На том всё и кончилось.

Мы доехали до её дома — нового, престижного ЖК с охраняемой территорией и подземным паркингом. Её квартира на четырнадцатом этаже была такой же, как и она — образцом чистоты и стиля. Всё в ней было подобрано по цвету, всё лежало на своих местах. Ни пылинки. Иногда мне казалось, что я здесь не жилец, а экспонат в идеальном интерьере. Но меня это устраивало. Беспорядок внутри должен был компенсироваться порядком снаружи. Такой была моя сделка с жизнью.

Пахло, как всегда, лимонным освежителем и чем-то, что она готовила в мультиварке — рагу, наверное. Инга скинула пальто, аккуратно повесила его в шкаф-купе и обернулась ко мне. И тут, наконец, с её лица исчезла та идеальная, ничего не значащая улыбка. Оно стало серьёзным. Сосредоточенным. Таким, каким оно бывает у неё перед сложным рейсом с капризными пассажирами первого класса.

— Серёж, — сказала она мягко, но твёрдо. — Давай присядем. Мне нужно с теми поговорить.

Лёд. Холодная, тяжёлая глыба где-то глубоко под рёбрами. Этот тон. Эти слова. Я слышал их раньше, в других контекстах, и они никогда не предвещали ничего хорошего. Я медленно снял куртку, повесил её на тот же стул, что и всегда, и сел на диван. Не облачиваясь, держа спину прямо. Как на совещании.

Она села напротив, в своё любимое кресло из светлой кожи. И сложила руки у себя на животе. Небрежно, будто случайно. Но жест был слишком красноречивым. Моё сердце, обычно бьющееся с ровной частотой пилота на автопилоте, сделало один тяжёлый, глухой удар где-то в основании горла.

Инга смотрела на меня. В её голубых, обычно ясных глазах я увидел странную смесь: тревогу, надежду, ожидание и что-то ещё... что-то твёрдое, словно стальной стержень, проходящий сквозь всю её ухоженную хрупкость.

— Что случилось, Инга? — спросил я. Мой голос прозвучал негромко, но чётко, как команда по радиосвязи.

Она сделала паузу. Не для драматизма, а чтобы собраться. Чтобы сказать всё правильно. Она всегда всё делала правильно.

— Я беременна, Сергей.

Три слова. Короткая, ясная, не подлежащая обжалованию директива. Они не упали на меня, не ударили. Они просто вошли в меня, как три пули, и разорвались внутри, уничтожая всё на своём пути. Все мои планы. Все мои чётко выверенные маршруты. Всё, что я строил годами — тихую, предсказуемую жизнь, защищённую от любых неожиданностей.

Я не пошевелился. Не изменился в лице. Годы тренировок — сначала в училище, потом в кабине — научили меня не показывать шок. Шок — это роскошь, которую не может позволить себе человек, отвечающий за жизни. Внутри же всё перевернулось и рухнуло. Мысли, обычно быстрые и ясные, теперь метались, как перепуганные птицы в закрытом помещении.

Проверить данные. Нужны доказательства. Тесты. Врач. Срок. Возможные варианты. Последствия. Ипотека. График рейсов. Её карьера. Мой возраст. Её возраст. Обязанности. Ответственность. Долг.

— Ты уверена? — спросил я. Голос всё тот же — ровный, глуховатый. Так спрашиваешь второго пилота, когда он сообщает о сбое в системе.

— Да. Три теста. И я была у гинеколога вчера. Всё подтвердилось. Срок — пять недель.

Она говорила чётко, по делу. Как доклад о нехватке кислородных масок в секторе 12В. Факт. С этим надо работать.

Я закрыл глаза. Перед веками не стояла темнота. Там бешено вращались цифры, схемы, календари. Я пытался просчитать. Как бортовой компьютер в аварийной ситуации, перебирающий заложенные алгоритмы.

Вариант А: оставить ребёнка. Необходимо: вступить в брак (логично, правильно). Пересмотреть финансовый план. Ипотека на однушку была рассчитана на одного. Надо досрочно гасить, брать большую. Искать рейсы с повышенной оплатой. Инга, вероятно, уйдёт в декрет. Её доход упадёт до минимума. Няня? Родители? Её мать живёт в другом городе, моих родителей нет в живых. График полётов станет несовместим с жизнью отца. Нужно переходить на инструкторскую работу? Но это крах карьеры. Это...

Вариант Б: не оставлять. Я даже не позволил этой мысли оформиться. Это не вариант. Не для меня. Отец, ушедший из жизни, когда мне было пятнадцать, успел вбить в меня простую истину: мужчина отвечает за свои поступки. Всегда. А ребёнок — это самый главный, самый пожизненный поступок.

Я открыл глаза. Инга всё так же сидела напротив, наблюдая за мной. В её взгляде читалась уязвимость — настоящая или искусно сыгранная, я в тот момент не мог различить. Но она ждала. Ждала моей реакции. Моей команды.

— Что будем делать? — прошептала она. «Будем». Не «я». Не «ты». «Будем». Она сразу обозначила наш новый статус. Экипаж. Попавший в нештатную ситуацию. Я — командир. Решение за мной. Но нести ответственность — нам обоим.

Глубокая, медленная пауза. Воздух в комнате стал густым, им было трудно дышать. Я чувствовал, как на мои плечи, и без того несущие груз в семь тысяч часов налёта и тысячи жизней, ложится новый груз. Неизмеримо более тяжёлый. На всю оставшуюся жизнь.

И в этот самый момент, предательски, из самого тёмного, заблокированного отсека памяти всплыло другое лицо. Слишком живые, почти горящие глаза. Нервные пальцы, сжимающие пистолет. Глупая, абсурдная, яркая вспышка на фоне серых будней. И... и тот странный,

щемящий укол чего-то, когда я увидел её в тире. Что-то вроде... интереса. Как к необъяснимой аномалии на радаре.

Это было безумием. Преступной халатностью. В моей жизни, которая только что обрела жёсткие, железобетонные очертания отцовства и долга, не было места для аномалий. Их нужно гасить. Немедленно. Беспощадно.

Я поднялся с дивана. Не резко, а медленно, как будто против огромного давления. Подошёл к панорамному окну, за которым расстилался ночной город, усеянный миллионами чужих, безразличных огней. Где-то там, среди этих огней, жила та девушка. Со своей странной настойчивостью и неожиданными умениями. Она была воплощением всего, чего я избегал: хаоса, непредсказуемости, неконтролируемых эмоций. Она была красивой, но смертельно опасной турбулентностью, в которую нельзя залетать. Никогда.

А здесь, за моей спиной, в этой тихой, стерильной квартире, лежал мой новый, окончательный маршрут. С поправкой на непредвиденные обстоятельства. С поправкой на ребёнка.

— Разберёмся, — сказал я в стекло, глядя на своё бледное отражение. Голос звучал плоским, лишённым каких-либо тонов. Это был не голос любовника или будущего отца. Это был голос человека, принимающего единственно возможное в данных условиях решение. — Всё будет хорошо.

Я не обернулся, но услышал, как она встала. Услышал её шаги — лёгкие, осторожные. Она подошла сзади и обняла меня, прижавшись щекой к моей спине. Её руки сомкнулись на моём животе.

— Я знала, что ты не подведешь, — прошептала она, и в её голосе дрогнуло. — Ты же... надёжный.

Да. Надёжный. Предсказуемый. Как штурмовик Ил-2 — не самый быстрый, не самый манёвренный, но крепкий, живучий и всегда добивающийся цели. Несмотря ни на что. Это был мой выбор. Моя суть. Мой крест.

Я положил свою руку поверх её тонких, холодных пальцев. Это не был жест нежности или любви. Это было скрепление договора. Подписание приказа. Принятие обязанности, которая отныне будет определять каждый мой шаг, каждый взлёт и каждую посадку.

Камень, лежавший на сердце с тех пор, как я увидел её в тире, не рассосался. Он превратился в глыбу. В фундамент нового, гораздо более тесного и безрадостного мира. Мира, в котором не было места ни для каких случайных, ярких, безумных девушек с пистолетом. Их нужно было вычёркивать. Стирать. Забывать.

Я стоял у окна, чувствуя её дыхание у себя на спине, и смотрел на город. На его бесконечные, уходящие вдаль огни. Моя жизнь, только что такая прямая и ясная, как взлётная полоса, внезапно свернула в узкий, освещённый лишь долгом туннель. И назад пути не было.

Всё. Точка. Курс взят.

Глава 8

Слово «беременна» ударило в тимпаны, прошло сквозь мозг и застряло где-то в основании черепа — тяжёлым, раскалённым осколком. Я не дёрнулся. Не изобразил на лице ни единой мускульной судороги. Просто сидел, сложив ладони на коленях, и смотрел сквозь Ингу, будто она была не реальной женщиной, а голограммой, проецирующей катастрофические новости.

Внутри же всё перевернулось и рухнуло. Так, наверное, чувствует себя самолёт, попавший в зону внезапной и жёсткой турбулентности, когда стрелка высотомера бешено крутится, а за бортом — только белая, ничего не значащая пелена.

Инга. Пять недель. Отец.

Мозг, выдрессированный годами работы в условиях, где промедление или паника равны гибели, отключил все чувства и запустил процедуру анализа. Чистую логику.

Факт первый: зачатие произошло. Техническая ошибка, сбой в процедурах предосторожности. Моя вина? Да. Всегда в конечном счёте ответственность лежит на командире.

Факт второй: Инга сообщает об этом. Её голос звучал ровно, в нём не было истерики. Но и радости не было. Был... расчёт? Нет, это паранойя. Это шок говорит. Она просто напугана не меньше моего.

Факт третий: аборт. Мысль пронеслась, как запрещённый манёвр. И была тут же отброшена. Не из-за морали или религии. Из-за долга. Мой отец, замкнутый, молчаливый кадровый офицер, однажды сказал, глядя куда-то мимо меня, словно зачитывая устав: «Бывают в жизни ситуации, сын, когда у тебя только один путь. Не самый лёгкий. Не самый желанный. Но единственно правильный. И честь — в том, чтобы пройти его, не свернув». Я тогда не понял. Сейчас понял с мучительной, леденящей ясностью.

Это и был тот самый путь. Единственный. Заблудших, ночных мыслей о свободе, о каком-то другом, не прописанном сценарии — не будет. Потому что я — не тот человек, который может свернуть. Эту способность во мне убили годами. Убили семь тысяч часов налёта, где любое отклонение от курса — это риск для сотен жизней. Я стал функцией. Механизмом принятия решений. И сейчас этот механизм дал сбой на входе, но должен работать безупречно на выходе.

И тут, словно назло, из самого тёмного, запретного отсека памяти всплыло другое лицо. Не Инги. Её. Девчонки с рейса. Евы. Её наглый, восторженный взгляд у пилотской. И её же — совершенно иное лицо вчера в тире: сосредоточенное, с капелькой пота на виске, с неправильной, но упрямой стойкой. Парадокс. Абсурд. Жизнь, которая намекала на какую-то другую, не прописанную в моих чек-листах реальность. Мираж в пустыне.

Этот мираж был опасен. Он был соблазном. Искушением свернуть с единственно правильного пути. Прямо сейчас, когда отклонение на полградуса грозит крушением всему, что я знаю о себе.

Инга сказала что-то ещё. Я увидел движение её губ, прочитал по ним: «Что будем делать?»

Голос прозвучал где-то очень далеко, будто из наземного контроля, когда связь вот-вот прервётся.

Что будем делать? Вопрос, на который у хорошего пилота всегда есть ответ. Даже если ответ — «готовиться к жёсткой посадке».

Мне нужно было говорить. Издать звук. Показать контроль над ситуацией, даже если контроля нет. Я вдохнул. Воздух был густым, словно после разгерметизации на большой высоте, когда кислородные маски уже упали, но ты ещё держишь штурвал.

— Разберёмся, — сказал я.

Собственный голос удивил меня. Он был плоским, лишённым каких-либо обертонов. Не обнадёживающим, не испуганным. Констатирующим. Как если бы я доложил второму пилоту: «Отказал двигатель номер два. Разберёмся».

Пауза повисла тягостно. Этого было недостаточно. Протокол требовал следующей фразы. Фразы, которая ничего не значит, но которую все ждут. Я заставил губы сформировать слова: — Всё будет хорошо.

Я солгал. Впервые, наверное, за много лет солгал сознательно. Потому что «хорошо» — понятие относительное. Будет трудно. Будет страшно. Будет невыносимо тяжело. Будет конец всему, что я для себя представлял. Но будет. И я должен это обеспечить. Эта ложь стала первым кирпичом в стене, которую я начал возводить вокруг себя и вокруг неё. Стене ответственности.

В момент, когда эти три лживых слова покинули мои губы, во мне что-то щёлкнуло. Тихий, металлический звук, как защёлкивающийся замок на ящике с секретными картами. Решение было принято. Не эмоциональное, а стратегическое.

Её нужно стереть.

Не физически, конечно. Мысленно. Эмоционально. Этот призрак другой возможности. Этот образ навязчивой, странной, живой девчонки, которая посмела ворваться в мой вымеренный мир с её дурацкой благодарностью за полёт и неожиданным умением стрелять. Она была помехой. Сигналом ложного маяка. Её нужно было вычеркнуть из всех расчётов, удалить из оперативной памяти, поместить в архив под грифом «НЕАКТУАЛЬНО. ОПАСНО».

Я почувствовал, как по спине пробежал холодок — не от страха, а от осознания, какую чудовищную операцию я только что провёл над собой. Я ампутировал часть будущего, которое даже не успело стать настоящим. Просто на всякий случай. Чтобы не болело.

Инга встала. Подошла. Её движения были осторожными, будто она боялась, что я взорвусь. Она обняла меня, прижалась щекой к моей груди. Я ощутил знакомый запах её духов, лёгкость её тела. Но сейчас это тело было уже не просто её телом. Оно было сосудом. Территорией, на которой разворачивалась новая, пугающая реальность. Я обнял её в ответ. Жест был не инстинктивным, а ритуальным. Как присяга на верность новому знамени. Моя рука легла ей на спину, пальцы коснулись позвонков. Хрупких. Кажется, я никогда не осознавал, насколько она хрупкая.

— Я знала, что ты не подведёшь, — прошептала она в мою рубашку. Голос её дрогнул. В нём были слёзы. Настоящие? Возможно. Или облегчение от того, что я не сбежал, не начал искать виноватых. Я просто принял удар на себя. Как и должно было быть.

«Мы справимся», — добавила она.

«Мы». Это слово теперь будет звучать постоянно. Оно висело в воздухе, связывая нас невидимой, но прочнейшей цепью. Я кивнул, чувствуя, как тяжелеет голова. Усталость накрыла меня внезапно, словно я только что провёл в воздухе не три часа, а тридцать, борясь со стихией.

— Тебе нужно встать на учёт, — сказал я, отпуская её. Голос снова стал моим рабочим, командирским. Чётким, безэмоциональным. — Узнай, к какому врачу. Сдадим все анализы. Нужно всё проверить.

Я запнулся. Столкнулся с неизвестным параметром. Как вести себя? Что говорить? На каких курсах учат этому?

— И... тебе нужно беречь себя. Не перенапрягаться. Ты... — я сглотнул, — ты больше не летаешь. Пока.

— Меня уже перевели, — быстро, почти по-деловому ответила она, отступая на шаг. В её глазах я увидел что-то вроде удовлетворения. Не радости, нет. А удовлетворения от того, что механизм запущен, процедуры выполняются. — На наземную работу. На время. Всё оформлено.

Конечно. Инга всегда была эффективна. Она не стала ждать моего решения, она действовала. Это облегчало дело. Всё шло по новому, только что утверждённому плану полёта. Я

был диспетчером, наблюдающим, как моя собственная жизнь, словно тяжёлый лайнер, отклонилась от маршрута и теперь заходит на посадку на запасной, неподготовленный аэродром. Моя задача — не дать ей разбиться.

Я остался у неё ночевать. Лежал в темноте на спине, глядя в потолок, где от фонаря за окном плясали смутные тени. Инга спала рядом, её дыхание было ровным и безмятежным. Я завидовал этой способности.

Мои мысли метались, как пойманные в ловушку птицы. Не о ребёнке. О долге. О деньгах. Нужно будет больше летать. Взять дополнительные рейсы. Ипотеку на мою однокомнатную квартиру, наверное, придётся переоформлять. Или брать новую, побольше. Школы, сады... Я зажмурился, пытаюсь остановить этот бег по замкнутому кругу.

И снова, предательски, из-под всех этих практических расчётов выплывало другое. Воспоминание о том, как пуля из моего пистолета раз за разом пробивала центр мишени, оставляя аккуратные отверстия. И как на линии номер семь девушка в нервном, но упорном темпе вела свою собственную стрельбу. Не так метко, но с какой-то отчаянной сосредоточенностью. Как будто для неё это было не развлечение, а экзамен. Кому она его сдавала? Мне?

Стоп, — приказал я себе мысленно, резко поворачиваясь на бок, спиной к Инге. — Нет темы для размышлений. Есть только задача. Текущая задача: обеспечить безопасность и стабильность. Всё остальное — шум. Помехи.

Я пролежал так до самого утра, почти не сомкнув глаз, методично, как компьютерный антивирус, выискивая и удаляя из сознания любые мысли, не относящиеся к делу. К утру я чувствовал себя выгоревшим дотла. Пустым. Но чистым. Все посторонние сигналы были заглушены. Оставался только один, мощный, монотонный гул долга.

Я встал раньше Инги, на цыпочках прошёл на кухню. Поставил чайник. Стоял у окна, наблюдая, как ночная синева сменяется грязно-розовым рассветом. Где-то там, за этим горизонтом, уже летели самолёты. Может, даже те, что вел я вчера. Мой мир, некогда бесконечно широкий, с картой неба в голове, вдруг сжался до размеров этой кухни, этой квартиры и кабины пилота. Всё остальное пространство было отсечено. Выжжено. Вычеркнуто.

Я был готов. К новому полёту. Самому длинному и самому важному. Без права на ошибку. Без права на смену курса. И первый пункт в новом чек-листе был прост: исключить все внешние факторы риска.

А это значило — ни тира по субботам. Ни случайных встреч. Ни мыслей о серых глазах, полных немого вопроса. Всё это осталось в прошлом рейсе. А сейчас у меня был новый маршрут. И вести по нему я должен был безупречно.

Глава 9

Прошла неделя. Семь дней, которые пролетели в каком-то лихорадочном, призрачном режиме ожидания. Я существовала между двумя точками: изматывающими тренировками с отцом на стрельбище и погружением в мир, о котором раньше не имела ни малейшего понятия.

Мой стол превратился в штаб операций. За эти дни я узнала об истребителях Як-9 и Ла-5 больше, чем за все годы учебы в школе. Я выучила различия в крыльях, двигателях, вооружении. Я смотрела документальные фильмы, пока у меня не начинали слипаться глаза от чёрно-белых кадров хроники. Я пыталась клеить модель «Мессершмитта», которую отец принёс «для практики». Результат был плачевным: следы клея на пальцах, перекошенное хвостовое оперение и чувство глубочайшего унижения. Я не была создана для такой ювелирной работы. Но я упрямо клеила дальше, потому что теперь это было не хобби, а стратегическая необходимость. Моим девизом стало: «Если он в этом разбирается, и я должна».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.